

6. Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927.
7. ЦДНННО (Центр документов новейшей истории Оренбургской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1179. Л. 93.
8. ЦДНННО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 77. Л. 61.
9. ЦДОССО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 6. Д. 424. Л. 50.
10. ЦДОССО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 837. Л. 98.
11. ЦДОССО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 287. Л. 84.

И.М. Клименко (Екатеринбург)

Общественно-политическая ситуация в России как основной фактор социальной работы

Несмотря на значительные изменения в общественно-политической жизни России и, в частности в социальной политике, до завершения реорганизации социальной работы еще далеко. Во всем многообразии политических течений, так или иначе влияющих на социальную деятельность, можно условно выделить две основные тенденции. Одна из них основана на традициях державности, социоцентризма.

Советское государство стремилось к полному контролю над всеми сферами социальной жизни, почти полностью ликвидировало традиционно сильное церковное влияние, жесточайше регламентировало благотворительную деятельность общественных организаций и частных лиц. Явления спонсорства и меценатства были настолько угнетены идеологически, юридически и организационно, что почти утратили свой первоначальный смысл, и даже в понятийном смысле стали почти синонимами.

В посттоталитарном российском обществе демократизм только входит в стадию устойчивого формирования. В отсутствие полисубъектного гражданского общества стратегия развития социальной деятельности в наибольшей мере зависит от центральных и местных властных структур, в первую очередь исполнительных и законодательных органов. Если какая-то из составляющих социальной политики исключается государством из числа приоритетных, то ее решение становится замедленным, спонтанным, непредсказуемым.

К числу таких «забытых» проблем, например, относится оплата труда широкой категории государственных служащих: учителей, врачей, социальных работников. Предложения по пересмотру принципов и механизмов формирования заработной платы работников бюджетной

сферы, озвученные министром труда и социальной развития А.Починком, пока только переводят проблему в современные рамки решения, но не обещают быстрого улучшения положения.

Вторая тенденция – активизация общественной жизни, рост числа общественных организаций, усиление их влияния на различные аспекты социальной работы. По оценке Е.И.Холостовой, на рубеже XX–XXI вв. в России насчитывалось около 20 тыс. общественных организаций (только в Свердловской области – около 4 тыс.). В это же время в США существовало около 200 тыс. общественных организаций. Большинство из них прямо или косвенно участвуют в социальной деятельности, а около четверти непосредственно решают проблемы социальной работы, социальной и общей педагогики.

Эта тенденция открывает новые возможности в наполнении содержательной составляющей социальной работы. Например, в предоставлении новых социальных услуг, еще 5–7 лет назад совершенно немислимых на постсоветском пространстве. Участие населения в работе общественных организаций выступает важнейшим условием формирования гражданского общества. Развитие рыночных отношений порождает социальные услуги особого, эксклюзивного качества.

В целом, данное социальное явление обеспечивает безграничную вариативность социальных действий и наиболее высокую степень свободы субъектов социальной политики. Наряду с огромным потенциалом данного направления социальной жизни можно отметить и некоторые «недостатки возраста». Они связаны с недостаточной опорой на научные рекомендации, слабой координацией действий, слабым финансированием и недостаточной поддержкой со стороны местной и федеральной власти.

Проблема усугубляется рутинностью, косностью государственной машины, которая спонтанно складывается из многочисленных действий, направленных на улучшение ее работы, унификацию труда отдельных функционеров и подразделений, на достижение взаимозаменяемости, дублирование управления и связи, на обеспечение множеств функций даже в сложных условиях.

Все эти действия, имеющие, несомненно, изначально благородную и прагматическую направленность, приводят к тому, что в социологии называется «жестокостью» организации. В результате два типа организации – максимально гибкая, неформальная и несущая только моральную ответственность – общественная организация и жесткая, регламентированная рамками законов, инструкции приказов – государственная – попросту разговаривают на разных языках. Формальный компромисс между ними попросту невозможен, так как изменит сущность обеих организаций, а неформальная психологическая иденти-

кация с партнером, во-первых, неизбежно порождает конфликт если не с законом, то хотя бы с инструкцией, а во-вторых, не обеспечивает максимально возможного результата (частично блокирует возможности обеих организаций).

Для России характерна исключительно настойчивая подмена нравственных норм нормами организационными бюрократическими, формальными. Во многом это обусловлено тем, что современная Россия является самой атеистической страной в мире. Действует и традиционный для каждого крупного государства механизм максимального усиления «вертикали» власти, противопоставляемой центробежным тенденциям. К сожалению, усилия государства по регламентации социального поведения избирательны. Так, например, в России самые низкие акцизы на богатство недр. Принят совершенно беспрецедентный для развивающегося государства закон о едином подоходном налоге. Государство, заявившее в пятой статье конституции о том, что оно является социальным, не обеспечивает выполнение первейшего права человека и гражданина – права на жизнь и её достойные условия.

Тенденция клановости, отсутствие публичности в решении важнейших социально-экономических проблем, протекционизма, в сочетании со всепроникающей коррупцией, создают совершенно уникальный тип государственного управления. Для абсолютного большинства населения действуют установленные законы, в том числе и государственный бюджет, подчиняющийся одному из основных принципов социальной политики – «всем сестрам по серьгам». Для другой части населения – центральных и местных политических, экономических, финансовых и криминальных элит – действуют не законы, а понятия. Совершенно скрытая от глаз «посторонних» деятельность по присвоению и распределению ренты среди «своих». Деятельность, которую не смеют затронуть ни государственная дума, ни президент, ни киселевы, ни познеры. В определенной мере эта рента создается за счет скрытой эксплуатации тех же «посторонних» в экономической и финансовой сферах, но в гораздо большей степени за счет грабежа природных богатств: нефти, газа, леса, редкоземельных и цветных металлов и т. п.

Поневоле вспомнишь слова М.Волошина: «В каждом государстве есть две группы, находящиеся вне закона – это правящий класс и уголовники. Революция только меняет их местами». Нет нужды объяснять, что в государстве подобного типа до тех пор не будет достаточно средств для обеспечения хотя бы среднего уровня социальной работы, пока не произойдет эволюция власти в направлении повышения её морального уровня. Сейчас он исключительно низок. Эта среда настолько пронизана идеями меркантилизма, личной исключительности, в сочетании с самыми дикими интерпретациями дарвиновской теории есте-

ственного отбора и мифами клановой неприкосновенности, что попросту не способна ассоциировать себя с большинством населения.

Даже сама идея о единстве интересов народа и государственной элиты представляется «с той стороны» бредом альтруиста. Если под давлением снизу к власти приближается более или менее крупная незлитная фигура, обладающая определенным набором нравственных принципов, то она, как минимум, вытесняется на обочину политической жизни (для примера – Казанник, Лебедь, Бордожа). В чужой монастырь со своим уставом не входит.

На вечный вопрос российской интеллигенции ответ найти все-таки возможно. Эволюция власти в России происходит, но чрезвычайно медленно. Любой революционный путь только усугубит ситуацию и вернет проблему к сегодняшней позиции лет через 30–40. Ожидать быстрого отказа элит от ретроориентированной психологии совершенно ненаучно. Способствовать поиску выхода из положения могли бы средства массовой информации, но даже самых «продвинутых» журналистов не подпускают к раскалыванию этой «жилы».

Вместе с тем, современный уровень демократизма вполне допускает возможность государственного давления на элиту с целью введения ее деятельности в русло интересов государства (прежде всего правовыми способами). Однако для действий такого рода политическая воля должна опираться на общественное мнение. Сейчас основные направления грабежа национальных богатств активно замалчиваются. Усиленно реализуется правило: если человек чего-то не знает, то этого для него как бы и нет. Как сделать так, чтобы общество не только смотрело, но и видело? Видело главную угрозу будущего России – полное несовмещение интересов 97 % населения и 3 % элиты.

Учитывая невозможность использования телевидения и крайне слабую роль газет, следует предположить, что главными способами разъяснения современной сущности политической власти должны стать способы *образовательные*. Одной из главных задач гуманитарных наук в процессе подготовки квалифицированных профессионалов, в том числе в социальной сфере, должно стать разъяснение сущности ретроориентированного поведения элит и необходимость его преодоления.